Н. АГНИВЦЕВ

МОИ ПЕСЕНКИ

Н. АГНИВЦЕВЪ.

„МОИ ПѢСЕНКИ“

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
•ЛИТЕРАТУРА•
—БЕРЛИНЪ—

Всѣмъ,
сценически обокравшимъ меня,
стоически посвящаю.

Берлинъ, Ноябрь 21 г.

Слонъ и муха.

Однажды, нѣкій толстый слонъ,
Красою мухи пораженъ,
Къ той мухѣ, словно феодалъ,
Преступной страстью воспылалъ!

Но муха, быстро разсудивъ,
Что: толстый слонъ хоть и красивъ,
Но все жъ великъ для жениха, —
Взяла и скрылась отъ грѣха!...

Влюбленный слонъ не пилъ, не ѣлъ,
Влюбленный слонъ худѣлъ, блѣднѣлъ
И таялъ, таялъ по часамъ!...
(Dans chaque malheure-cherchez la femme)

И, какъ французскій томный графъ,
Онъ умеръ, тихо прошептавъ:
— „Не для меня придетъ весна!“...
Такъ муха слопала слона!...

Отсюда ясно, что слоны —
Влюбляться въ муху не должны,
Зане на сей предметъ для нихъ
Судьба назначила: слонихъ!

Разсѣянный король.

Затянутъ шелкомъ тронный залъ!
На всю страну, сегодня,
Король даетъ безсчетный балъ
По милости Господней!...

Какъ и всегда, Король тамъ былъ
Галантенъ неизмѣнно
И передъ дамой преклонилъ
Высокое колѣно!...

Старый Шутъ, покосившись на залъ,
Поднявъ тонкую бровь, прошепталъ:
— „Онъ всегда, послѣ бала веселаго,
Возвращается безъ головы!...
Какъ легко Вы теряете голову!
Ахъ, Король, какъ разсѣяны Вы!“

Затянутъ краснымъ тронный залъ!
На всю страну, сегодня,
Народъ даетъ свой первый балъ,
По милости Господней.

Какъ и всегда, Король тамъ былъ
Галантенъ неизмѣнно!...
И подъ ножемъ онъ преклонилъ
Высокое колѣно!...

Старый Шутъ, покосившись на залъ,
Поднявъ тонкую бровь, прошепталъ:
— „Онъ всегда послѣ бала веселаго
Возвращается безъ головы!...
Какъ легко Вы теряете голову!...
Ахъ, Король, какъ разсѣяны Вы!...“

Принцесса Анна.

Изъ своей опочивальни,
Чѣмъ — то очень огорченъ,
Поблѣднѣвшій и печальный
Вышелъ въ залъ король Гаконъ...

И, какъ то̀ необходимо,
Молвилъ, ставши на ступень:
— „Здравствуй, мой народъ любимый!“
И сказали: „Добрый день!“

114 гофмейстеровъ,
30 церемоніймейстеровъ,
48 камергеровъ,
345 курьеровъ
И 400 пажей!...

И, дрожа, какъ отъ озноба,
Продолжалъ Гаконъ король:
— „Намъ, сейчасъ, одна особа
Причинила стыдъ и боль!...

Видно насъ (въ томъ нѣтъ секрета!)
За грѣхи караетъ Богъ!...
Что вы скажете на это?"...
И сказали грустно: „Охъ!"

114 гофмейстеровъ,
30 церемоніймейстеровъ,
48 камергеровъ,
345 курьеровъ
И 400 пажей!...

„Наша дочь, принцесса Анна,
Позабывъ свои дѣла,
Неожиданно и странно
Нынче, сына родила!...

Мы-бъ узнать отъ васъ хотѣли
(Будьте жъ честны и прямы!)
Кто замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ?"
И сказали тихо: „Мы!" —

114 гофмейстеровъ,
30 церемоніймейстеровъ,
48 камергеровъ,
345 курьеровъ
И 400 пажей!...

Персъ на крышѣ.

Хорошо жить на востокѣ,
Называться Бенъ-Гассанъ
И сидѣть на солнцепекѣ,
Щуря глазъ на Тегеранъ...

Къ черту всякіе вопросы!
Тишь, да гладь, да благодать!
Право, съ собственнаго носа
Даже муху лѣнь согнать!...

Прямо даже непонятно:
Персія это? Иль — персидскій рай?...
— Ай, какъ хорошо! Ай, какъ пріятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй-яй!...

Хорошо сидѣть на крышѣ
Персомъ съ ногъ до головы...
И толстѣть тамъ отъ кишмиша,
Абрикосовъ и халвы!...

Если жъ станетъ очень грустно,
Скушай персикъ отъ тоски!...
— Ай, какъ вкусны! Ай, какъ вкусны!
Ай, какъ вкусны персики!...

Прямо даже непонятно,
Персія это? Иль — персидскій рай?
Ай, какъ хорошо! Ай, какъ пріятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй-яй!...

Чтобъ любви не прекословить,
Стоитъ только съ крыши слѣзть!...
Кромѣ персиковъ, еще вѣдь —
Персіянки тоже есть!...

Ай, Лелива! Глазъ, какъ слива!
Шаль пестра, какъ попугай!
Ай, Лелива! Ай, Лелива!
Какъ цѣлуется! Ай-яй!!!

Прямо даже непонятно,
Персія это? Иль — персидскій рай!
Ай, какъ хорошо! Ай, какъ пріятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй-яй!...

Это было въ бѣломъ залѣ.

Это было въ бѣломъ залѣ
У гранитныхъ колоннадъ...
Это было все въ Версалѣ
Двѣсти лѣтъ тому назадъ!

Ахъ, назадъ тому два вѣка,
Не имѣя лучшихъ темъ,
Герцогъ Гизъ маркизѣ нѣкой
Прошепталъ вдругъ: „Je vous aime!"

— „Ахъ, мой герцогъ! Ахъ, мой герцогъ!
И мечтать я не могла!"...
И ему маркиза сердце
Съ реверансомъ отдала...

Это было въ бѣлолѣ залѣ
У гранитныхъ колоннадъ...
Это было все въ Версалѣ
Двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Но швырнулъ ея онъ сердце
На потѣху для молвы!..
И маркиза шепчетъ: „Герцогъ,
Герцогъ, герцогъ, гдѣ же вы?

Пусть разбили сердце ложью,
Въ этомъ сердцѣ — вы одинъ!!!“
И, схвативши ножикъ, съ дрожью...
Стала чистить апельсинъ...

Это было въ бѣломъ залѣ
У гранитныхъ колоннадъ...
Это было все въ Версалѣ
Двѣсти лѣтъ тому назадъ...

Очень просто.

Солнце, вдругъ, покрылось флёромъ!...
Какъ-то грустно!... Какъ-то странно!...
— „Джимъ, пошлите за моторомъ
И сложите чемоданы!...

Положите сверху фраки,
Не забудьте также пледа:
Я поѣду въ Нагасаки,
Въ Нагасаки я поѣду!

Тамъ воспрянетъ духъ поникшій
И, дивя японокъ фракомъ,
Я помчусь на дженерикшѣ
По веселымъ Нагасакамъ!...

Ахъ, какъ звонокъ смѣхъ японокъ
Для родившихся во фракахъ!
Ахъ, какъ звонокъ! Ахъ, какъ звонокъ
Смѣхъ японокъ въ Нагасакахъ!

Экскортируемый гидомъ,
Я вручаю сердце Брамѣ
И лечу съ безпечнымъ видомъ
Въ нѣкій домикъ къ нѣкой дамѣ.

Имя дамы: „Цвѣтъ жасмина“,
Какъ сказалъ мнѣ гидъ милѣйшій...
Ну, а болѣе рутинно:
„Гейша — Молли, Молли — гейша!“

Къ ней войду съ поклономъ низкимъ,
Поднесу цвѣты и ленты
И скажу ей по англійски
Пару нѣжныхъ комплиментовъ...

Запишу на память тему,
Повздыхаю деликатно,
Вдѣну въ лацканъ хризантему
И вернусь въ Нью-Іоркъ обратно!

Грустный Мѣсяцъ.

Грустный Мѣсяцъ, томясь по любви,
Пальцемъ въ небо потыкалъ,
Разстроился, и —
Захныкалъ:

— „Охъ, ужъ и грустно мнѣ, Мѣсяцу!
Прямо сказать не могу!
Впору, ей-богу, повѣситься
Мнѣ на своемъ-же рогу.

Ноютъ и стынутъ всѣ косточки,
Не доживу я до дня!...
Милыя барышни, звѣздочки,
Ахъ, пожалѣйте меня!

Поодиночкѣ-ли, вкупѣ-ли
Вы бы меня приголубили!?...
Ну — же, не будьте глухи!“

Звѣздочки глазки потупили
И отвѣчали: „Хи-хи!“

Мѣсяцъ сказалъ, что: „конечно,
Въ смыслѣ утраты сердечной,
Онъ, можетъ быть, и утѣшится,
Но... положенье — серьезно!“

Звѣздочки Мѣсяца слезно
Очень просили не вѣшаться!...

И...я спокоенъ за будущность Мѣсяца:
Мѣсяцъ теперь не повѣсится!

Король Артуръ.

Средь королевскихъ всякихъ благъ,
Король Артуръ, король-чудакъ
Жилъ-былъ давнымъ давно!...

И тѣмъ Артуръ извѣстенъ былъ,
Что лишь двѣ вещи онъ любилъ:
Раздумье и вино!

И такъ всю жизнь, по мѣрѣ силъ,
Король Артуръ грустилъ и пилъ
Немного черезчуръ!

И всѣхъ англійскихъ королей
Онъ былъ грустнѣе и пьянѣй
Чудакъ — король Артуръ.

Но вотъ, однажды, юный пажъ
Сказалъ ему: „Король, нельзя-жъ
Грустить и день и ночь!

О, мой король, скажи, нельзя-ль
Твою гнетущую печаль
Прогнать весельемъ прочь?!...“

Но, выпивъ, залпомъ свой бокалъ,
— „Мой мальчикъ“, сумрачно сказалъ,
Король ему въ отвѣтъ:

— „Король твой грустенъ оттого,
Что онъ Король! И для него
Ни въ чемъ свободы нѣтъ“.

Крокодилъ и Негритянка.

Удивительно милъ,
Жилъ — да былъ крокодилъ —
Такъ аршина въ четыре, не болѣ! . . .
И жила — да была,
Тоже очень мила,
Негритянка по имени Молли.

И вотъ, эта Молли-дѣвица —
Рѣшила слегка освѣжиться
И, выбравъ часокъ между дѣлъ,
На рѣчку купаться отправилась . . .

Крокодилъ на нее посмотрѣлъ:
Она ему очень понравилась
И онъ ее съѣлъ! . . .

А, съѣвши, промолвилъ: „Эхъ-ма,
Какъ милая Молли прекрасна!“

— Любовь крокодиловъ весьма
Своеобразна!

Звѣздочетъ.

Слѣдя за шашнями свѣтилъ,
Безъ горя и заботъ,
Въ высокой башнѣ жилъ-да былъ
Почтенный Звѣздочетъ.

Онъ былъ ученъ и очень мудръ...
Но, шутитъ зло Эротъ!
И вотъ, въ одно изъ вешнихъ утръ
Женился Звѣздочетъ.

У звѣздочетовой жены
Глаза, что — пара звѣздъ,
Лицо, какъ томный ликъ луны,
А страсть — кометинъ хвостъ!

Она — грустна, она — блѣдна,
У ней влюбленный видъ,
А Звѣздочетъ всю ночь сполна
За звѣздами слѣдитъ.

Блѣднѣя каждою весной,
Какъ лилія въ снѣгу, —
Она съ особенной тоской
Глядѣла на слугу...

Былъ недогадливъ тотъ слуга...
Но, все же, какъ то разъ,
Воскликнулъ, вдругъ, слуга: „Ага!“
И... конченъ мой разсказъ!

Отсюда выводъ же такой:
— Коль мужемъ стать пришлось,
Смотри ты лучше за женой,
А звѣзды — брось!

Пѣсенка о нѣкоей китайской барышнѣ Ао.

Въ молчаньи, съ улыбкой лукавой,
Въ Китаѣ китайскій пьетъ чай
Китайская барышня Ао —
Сунъ-Фу-Липо-Тань-Ти-Фонъ-Тай.

Согласно привычкѣ старинной,
Пыхтя отъ любовныхъ заботъ,
Къ ней, какъ-то, съ умильною миной
Явился китайскій Эротъ:

„Послушайте, барышня Ао,
Нельзя-же все время пить чай!
Ахъ, барышня Ао, въ васъ, право,
Влюбленъ цѣликомъ весь Китай!

Взгляните, какь ясенъ день майскій!
Вотъ глупая!“ ... И, на финалъ,
Онъ въ злости ее по китайски
„Китайскою дурой“ назвалъ ...

И быстро ушелъ негодуя,
Прервавши съ ней свой разговоръ...
Вотъ все!... Что-жъ подѣлать могу я,
Когда вдалекѣ до сихъ поръ:

Въ молчаньи, съ улыбкой лукавой
Въ Китаѣ китайскій пьетъ чай
Китайская барышня Ао —
Сунъ-Фу-Липо-Тань-Ти-Фонъ-Тай!...

Еретичка.

Отъ Люксембурга до Бастильи,
Еретикамъ на вѣчный страхъ,
Герольды папскіе трубили
На всѣхъ Парижскихъ площадяхъ:

„Мы, добрый Папа Левъ IV-ый,
Скорбимъ о дщери Анжъ-Питу,
Продавшей явно душу черту
За неземную красоту.

И вотъ, въ знакъ милости Господней,
Къ ней, пребывающей во злѣ,
Казнить ее велѣлъ, сегодня,
Намѣстникъ Бога на землѣ!...“

И къ Анжъ Питу, въ часъ утра ранній,
Съ молитвой кроткой на устахъ
И съ папской буллою въ карманѣ
Пришелъ напутственный монахъ.

Она приподняла рѣсницы:
— „Ахъ, какъ безжалостны всѣ вы!
На небо къ Господу явиться
Я не могу безъ головы!

Казни меня, но безъ увѣчья!
Должна же я, пойми, монахъ:
Съ моимъ возлюбленнымъ, при встрѣчѣ,
Поцѣловаться въ небесахъ!“

Двѣ сестры.

Ихъ двѣ сестры: одна отъ неба,
Ну, а другая отъ земли!
И тщетно жду: какую мнѣ бы
Дать боги Случая могли:
Вотъ ту, которая отъ неба,
Иль ту другую — отъ земли?

Одна, какъ статуя Мадонны,
Ну, а другая, какъ вертепъ!
И, я вздыхаю сокрушенно:
Въ которую влюбиться мнѣ-бъ!
Вотъ въ ту, что статуя Мадонны,
Иль въ ту другую, что вертепъ?

И та, что статуя Мадонны,
И эта, что-наоборотъ,
Вдругъ, улыбнулись мнѣ влюбленно!
Съ тѣхъ поръ самъ чертъ не разберетъ:
Гдѣ та, что статуя Мадонны,
И эта, что наоборотъ?

Ишакъ и Абдулъ.

Разъ, персидскою весною,
Шелъ Абдулъ къ Фатимѣ въ домъ,
Съ нагруженнымъ косхалвою
Очень глупымъ ишакомъ!

Шелъ Абдулъ и пѣлъ: „Всю ночь-то
Процѣлуюсь я, да какъ!...
Ты-жъ не будешь, оттого что:
Я Абдулъ, а ты — ишакъ!“

Такъ, смѣясь весьма ехидно,
И, хватаясь за бока,
Въ выраженіяхъ обидныхъ
Пѣлъ Абдулъ про ишака:

— „Вотъ идетъ со мной ишакъ!
Онъ — одинъ, а глупъ, какъ два!
Ай, какой смѣшной ишакъ!
Вва!“

И придя къ ней — стукъ въ окошко,
„Вотъ и я, Фатима, здѣсь!
Цѣловаться вы немножко
Не интересуетесь?“

Но она ему на это
Отвѣчала кратко, что
Мужу старому Ахмету
Не измѣнитъ ни за что.

Онъ сказалъ: „Ай, какъ вы строги!“
И ушелъ домой онъ... такъ!..
И, обратно, по дорогѣ,
Про Абдула пѣлъ ишакъ:

„Вотъ идетъ со мной ишакъ!
Онъ одинъ, а глупъ, какъ два!
Ахъ, какой смѣшной ишакъ!
Вва!“ ...

Маркизъ Франсизъ.

И дни и ночи въ страстной позѣ
Поетъ о розахъ на морозѣ
Передъ окномъ дѣвицы Клэръ —
Маркизъ Франсизъ де-Помдэтэръ!

Онъ пѣлъ съ подъемомъ, очень мило,
О томъ, о семъ... И выходило,
Со словъ маркиза, что маркизъ
Въ раю могъ взять-бы первый призъ...

Онъ, молъ, не требуетъ награды,
Объятій, молъ, ему не надо,
Зане онъ можетъ только смѣть:
Взглянуть, вздохнуть и умереть!

Дѣвица Клэръ вздыхать — вздыхала,
Но двери все жъ не отворяла —
Не безъ причинъ, не безъ причинъ —
Боясь коварности мужчинъ!

Хоть Разумъ чутокъ, словно филинъ,
Но Дьяволъ тоже очень силенъ!
И... влѣзъ въ окно къ дѣвицѣ Клэръ
Маркизъ Франсизъ де-Помдэтэръ!

И, влѣзши къ ней подобнымъ родомъ,
О звѣздахъ буркнулъ, мимоходомъ,
Затѣмъ увлекъ ее въ альковъ,
Похитилъ честь!... И былъ таковъ!

Тутъ и конецъ, хоть очень жаль.
Но если вамъ нужна
Еще къ тому-же и мораль? —
Извольте, вотъ она:

„По вышеназваннымъ причинамъ —
Не вѣрьте, барышни, мужчинамъ!“

Это случилось въ Севильи.

Это случилось въ Севильи,
Гдѣ любятъ всѣ въ изобильи,
Съ донной Эльвирой д'Аморъ
Ди Сальвадоръ!

Шли по ночамъ цѣловаться
Юношей ровно 12
Къ доннѣ Эльвирѣ д'Аморъ
Ди Сальвадоръ!

Но, вдругъ, схватившись за сердце,
Стукнулъ тринадцатый въ дверцы
Къ Доннѣ Эльвирѣ д'Аморъ
Ди Сальвадоръ!

Но былъ отвергнутъ навѣки
Этотъ тринадцатый нѣкій
Донной Эльвирой д'Аморъ
Ди Сальвадоръ!

Ибо одно достовѣрно:
Очень была суевѣрна
Донна Эльвира д'Аморъ
Ди Сальвадоръ!

Глупая шутка.

Какъ горній отблескъ Парадиза,
И непорочна и свѣтла,
Одна французская маркиза
Жила, пока не умерла.
Она была вѣрна супругу
И днемъ, и ночью, и въ обѣдъ...
И на галантную услугу
Всѣмъ кавалерамъ былъ отвѣтъ:

— „Послушайте, гдѣ вашъ разсудокъ?!
Терпѣть не могу глупыхъ шутокъ!“

Сказали ей у Парадиза:
— „Ну-съ, кромѣ мужа своего
Кого любили вы, маркиза?“
Она сказала: „Никого!“
И, въ удивленіи, ее сталъ
Тогда разглядывать въ кулакъ
Невозмутимый Петръ Апостолъ,
И, наконецъ, промолвилъ такъ:

— „Послушайте, гдѣ вашъ разсудокъ?
Терпѣть не могу глупыхъ шутокъ!“

Собачій вальсъ.

Длинна, какъ мостъ, черна, какъ вакса,
Идетъ, покачиваясь, такса...

За ней шагаетъ, хмуръ и строгъ,
Законный мужъ ея — бульдогъ!

Но вотъ, пронзенный въ грудь, съ налета,
Стрѣлой собачьяго Эрота,

Вдругъ, загорѣлся, словно коксъ,
Отъ страсти къ таксѣ встрѣчный фоксъ!

И былъ скандалъ! (Ахъ, знать должны вы —
Бульдоги дьявольски ревнивы!)

И молвилъ встрѣчный пудель: — „Такъ — съ!
Не соблазняй семейныхъ таксъ!“

И, получивъ на сердце кляксу,
Фоксъ такъ запомнилъ эту таксу,

Что даже на таксомоторъ
Смотрѣть не могъ онъ съ этихъ поръ!

Негритенекъ Джимъ.

Къ нѣкоей лэди въ шикарнѣйшій залъ,
Въ силу печальныхъ событій,
Джимъ — негритенокъ лакеемъ попалъ
Прямо съ родного Таити.

И, запыхавшись средь всяческихъ дѣлъ,
Вазу разбилъ какъ-то разъ онъ!...
Онъ быть лакеемъ еще не умѣлъ,
И былъ за это наказанъ!

— „Ахъ, госпожа, гдѣ же могъ я узнать,
Какъ обращаться съ вещами такими?!...
Нехорошо, госпожа, обижать
Бѣднаго чернаго Джимми!“

Лэди была, словно сахаръ бѣла,
Джимъ-же былъ черенъ, какъ сажа!
Но... настигаетъ Эрота стрѣла
И папуасовъ вѣдь даже!

И, въ умиленіи, лэди въ плечо
Вдругъ, укусилъ какъ-то разъ онъ!
Онъ не умѣлъ цѣловаться еще,
И былъ за это наказанъ.

— „Ахъ, госпожа, гдѣ же могъ я узнать,
Какъ обращаться съ вещами такими?
Нехорошо, госпожа, обижать
Бѣднаго чернаго Джимми!...“

Почему?

Много есть персіянокъ на свѣтѣ,
Но, собою ихъ всѣхъ заслоня,
Какъ гора Араратъ на разсвѣтѣ,
Лучше всѣхъ ихъ Зюлейка моя!
— Почему?
— Потому!

Много персовъ есть всякихъ на свѣтѣ,
Но, собою ихъ всѣхъ заслоня,
Какъ гора Араратъ на разсвѣтѣ,
Больше всѣхъ ей понравился я!
— Почему?
— Потому!

Много есть ишаковъ въ нашемъ мѣстѣ:
Сосчитать ихъ не хватитъ ста лѣтъ.
Только все-же глупѣй ихъ всѣхъ вмѣстѣ
Мужъ Зюлейки — Гассанъ-Бенъ-Ахметъ!
— Почему?
— Потому!

Фарфоровая любовь.

Въ старомодномъ тихомъ зальцѣ
Увлеклись, скосивши взоры,
Два фаянсовыхъ китайца
Балериной изъ фарфора.

Увидавъ, что близокъ Эросъ,
Улыбнулась танцовщица,
И ей очень захотѣлось
Передъ ними покружиться.

Какъ легки ея движенья!
Какъ скользитъ она по залѣ!
И китайцы въ умиленьи
Головами закачали!

И межъ ними танцовщица,
Улыбаясь имъ лукаво,
Все кружится, да кружится,
То — налѣво, то — направо!

И, споткнувщись въ авантажѣ,
Вдругъ, упала безъ движенья!
— Ахъ, въ глазахъ китайцевъ даже
Потемнѣло отъ волненья!

Ахъ, какъ больно!... Словно въ спины
Имъ воткнули, вдругъ, иголки!
Ахъ, разбилась балерина
На мельчайшіе осколки!

Такъ окончился въ томъ зальцѣ —
Неожиданно и скоро —
Флиртъ фаянсовыхъ китайцевъ
Съ балериной изъ фарфора!

Леда и Лэди.

Между статуй, прямо къ Ледѣ
Шла по парку гордо Лэди,
А за нею чинно слѣдомъ
Шелъ лакей съ шотландскимъ плэдомъ.

И сказала строго Лэди,
Подойдя вплотную къ Ледѣ, —
„Шокингъ!“ и, за этимъ вслѣдъ
Завернула Леду въ плэдъ.

О, заботливая Лэди,
Плэдъ совсѣмъ не нуженъ Ледѣ!
Увѣряю васъ: для Ледъ
Нуженъ Лебедь, а не плэдъ!

Трень-брень!

Въ тотъ день всѣ люди были милы
И пахла, выбившись изъ силы,
Какъ сумасшедшая сирень.
Трень-брень!

И, взявъ съ собою сыръ и булку,
Сюзанна вышла на прогулку!
Ахъ, скучно дома въ майскій день!
Трень-брень!

Увидѣвъ издали Сюзанну,
Благославлять сталъ Жанъ Осанну,
И прыгнулъ къ ней черезъ плетень!
Трень-брень!

Пылая факеломъ отъ страсти,
Промолвилъ Жанъ Сюзаннѣ „Здрассте“.
И тотчасъ съ ней присѣлъ на пень.
Трень-брень!

Была чревата эта встрѣча!
И поглядѣвъ на нихъ, подъ вечеръ,
Сталъ розовѣть въ смущеньи день!
Трень-брень!

И вотъ, наутро, какъ ни странно,
Не вышла къ завтраку Сюзанна!
У ней всю ночь была мигрень!
Трень-брень!

Вотъ, что, отъ края и до края,
Съ Сюзаннами бываетъ въ маѣ,
Когда въ саду цвѣтетъ сирень!
Трень-брень!

О Слонахъ и о фарфорѣ.

Покушавъ какъ то травку,
Зашелъ слонъ по дѣламъ
Въ фарфоровую лавку
И повернулся тамъ!

Мораль сей басни впереди,
Она — острѣй булавки:
— Коль ты есть слонъ, то не ходи
Въ фарфоровыя лавки!

Бильбокэ.

Къ Дофину Франціи, въ печали,
Скользнувъ тайкомъ изъ за угла,
Однажды, дама подъ вуалью
На аудіенцію пришла.

И предъ пажемъ склонила взоры:
— „Молю, Дофина позови!
Скажи ему, я та, которой
Поклялся въ вѣчной онъ любви“.

— „Что васъ такъ всѣхъ къ Дофину тянетъ?
Прошу, присядьте въ уголкѣ!
Дофинъ усталъ! Дофинъ такъ занятъ!
Дофинъ — играетъ въ бильбокэ!“

Къ Дофину Франціи въ покои,
Примчавъ коня во весь опоръ,
Съ окровавленной головою
Ворвался блѣдный мушкатеръ:

— „Эй, пажъ, бѣги скорѣй къ Дофину!
Приходитъ Франціи конецъ!
О, горе намъ! Кинжаломъ въ спину
Убитъ Король — его отецъ!“

— „Что васъ такъ всѣхъ къ Дофину тянетъ?
Прошу, присядьте въ уголкѣ!
Дофинъ усталъ! Дофинъ такъ занятъ!
Дофинъ играетъ въ бильбокэ!“

Къ Дофину Франціи, въ финалѣ,
Однажды, черезъ черный ходъ,
Хотя его не приглашали,
Пришелъ съ дрекольями Народъ!

Веселый пажъ, не безъ причины,
Протеръ глаза, потрогалъ носъ,
И, возвратившись отъ Дофина,
Съ полупоклономъ произнесъ:

— „Что васъ такъ всѣхъ къ Дофину тянетъ?
Прошу, присядьте въ уголкѣ!
Дофинъ усталъ! Дофинъ такъ занятъ!
Дофинъ играетъ въ бильбокэ!“

Донъ-Паскуалле.

У доньи Лауры, испанки безпечной
Имѣется домикъ (съ балкономъ, конечно!)
И, вотъ, подъ балконъ (хоть его и не звали)
Явился съ гитарою донъ Паскуалле...
И, взявши аккордъ, за отсутствіемъ дѣлъ,
О „розахъ и грезахъ“ немедля запѣлъ:

„Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!“

И шепчетъ Лаура, вздыхая влюбленно:
„Какъ времени много у этого дона!
„Скорѣй-бы, скорѣй-бы вы съ пѣсней кончали
„И къ дѣлу приступимъ о, донъ Паскуалле!“

А донъ-Паскуалле, возрясь въ небосводъ,
О „розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ:

„Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!“

Одна за другой проходили недѣли,
Настала зима и завыли мятели...
И, хмуро взглянувши на ртуть Реомюра,
Съ балкона давно удалилась Лаура...
А донъ-Паскуалле, возрясь въ небосводъ,
О „розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ:

„Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!“

Межъ тѣмъ, проходившій донъ-Педро-ди-Перцо,
Увидѣвъ Лауру, схватился за сердце...
И, будучи griномъ особаго рода,
Немедля забрался къ ней съ чернаго хода!

А донъ-Паскуалле, возрясь въ небосводъ,
О „розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ:

— „Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!“

При первой улыбкѣ весенней лазури,
Донъ-Педро женился на доньѣ Лаурѣ...
Года другъ за дружкою шли безъ отсрочки:
У доньи Лауры двѣ взрослыя дочки!...
А донъ-Паскуалле, возрясь въ небосводъ,
О „розахъ и грезахъ“ поетъ и поетъ:

„Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!“

Если хочешь.

Если хочешь, для Тебя я
Пропою здѣсь серенаду,
Буду пѣть, не умолкая,
Хоть четыре ночи къ ряду?!

Если хочешь, я, мгновенно,
Сочиню Тебѣ отмѣнный,
Замѣчательный сонетъ?
Хочешь?
— „Нѣтъ!“

Король Бубенъ.

Въ далекомъ нѣкомъ царствѣ,
Въ заморскомъ государствѣ,
Хоть это выраженіе
Немного старовато,
Но все же, тѣмъ не менѣе, —
Жилъ-былъ Король когда-то!

Какъ водится, конечно,
Онъ жилъ весьма пріятно:
Любилъ народъ сердечно
И былъ любимъ обратно!
И назывался онъ —
„Король Бубенъ!“

Однажды, на балу
Король, къ стыду и сраму,
Замѣтилъ, вдругъ, въ углу
Невѣдомую даму.
— „О кто Вы, дивный Иксъ? . . .
Эй, ты, Валетъ Червей,
Кто это? — „Дама-съ Пикъ-съ!“
— Позвать ее скорѣй!“ . . .

Покинувъ балъ тайкомъ,
Пылая страстью низкой,
Сидятъ въ саду вдвоемъ
Король съ авантюристкой.

Лаская такъ и сякъ,
Вдругъ, молвилъ онъ разстроясь:
— „Позвольте, какъ же такъ?
Вы ... только лишь ... по поясъ?!"
И крикнулъ, полонъ гнѣва:
— „Вы, значитъ, полудѣва?!"

На что сія кокотка
Отвѣтствовала кротко,
Безъ слезъ и не грубя:
— „Взгляните на себя!"

Взглянулъ, и былъ весьма смущенъ
Безногій тотъ Король Бубенъ!...

Вздохнули оба платонично
И, противъ ожиданья,
Окончилось свиданье
Увы, вполнѣ прилично!

Бродячій ишакъ.

По горамъ, за шагомъ шагъ,
Неизвѣстный шелъ ишакъ!

Шелъ онъ вверхъ, шелъ онъ внизъ,
Черезъ весь прошелъ Тавризъ,

И впередъ, какъ идіотъ,
Все идетъ онъ да идетъ.

И куда же онъ идетъ?
И зачѣмъ же онъ идетъ?

— А тебѣ какое дѣло?

Случай въ Сентъ-Джемскомъ скверѣ

Нѣтъ чернѣй физіономій
Ни въ Тимбукту, ни въ Танжерѣ,
Чѣмъ у нѣкоего Томми
И его подруги Мэри.

Этотъ Томми съ этой Мэри,
Вспыхнувъ въ страсти вродѣ спирта,
Порѣшили въ ближнемъ скверѣ
Ночью встрѣтиться для флирта.

Цѣлый день бродя въ истомѣ,
Оба думали о скверѣ...
Вотъ и ночь! Но гдѣ-же Томми?
Вотъ и ночь! Но гдѣ-же Мэри?

Неужели разлюбили,
Хоть клялись любить до гроба?
— Нѣтъ! Ихъ клятвы въ прежней силѣ
И они явились оба.

Отчего-же не замѣтно
Ихъ тогда въ притихшемъ скверѣ?
Оттого, что одноцвѣтны
Съ черной ночью Томъ и Мэри!

Такъ, всю ночь въ Сентъ-Джемскомъ скверѣ,
Сдѣлавъ 104 круга,
Черный Томми съ черной Мэри
Не могли найти другъ-друга.

Сантуцца.

Придя къ Сантуццѣ, юный Герцогъ,
По приказанью Дамы сердца,
Былъ прямо въ спальню проведенъ!
Пусть ваши очи разомкнутся,
Вѣдь въ спальнѣ не было Сантуццы
И не нарушенъ былъ бонъ-тонъ! . . . .

Но, черезъ мигъ, у двери спальной
Раздался голосъ, моментально
Приведшій Герцога къ нулю:
— „Ахъ, милый Герцогъ, я изъ ванны
Иду въ костюмѣ Монны-Ванны
И отвернуться васъ молю!“

Во всемъ покорный этикету,
Исполнилъ Герцогъ просьбу эту.
И слушалъ лишь изъ уголка
Весьма застѣнчиво и скромно,
Какъ шелестѣли съ дрожью томной
Любовь дразнящіе шелка.

И, просидѣвъ минутъ 15,
Боясь отъ страсти разорваться,
Онъ, наконецъ, промолвилъ такъ:
— „Когда-же, о, мадамъ Сантуцца,
Мнѣ можно будетъ повернуться?“
И былъ отвѣтъ ему: „Дуракъ!.“

Бимъ - Бомъ.

Гдѣ - то давно, въ нѣкомъ циркѣ одномъ
Жили два клоуна Бимъ и Бомъ.
        Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

Какъ - то, увидѣвъ наѣздницу Кэтти,
Въ Кэтти влюбились два клоуна эти
        Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

И очень долго въ Петрарковскомъ стилѣ
Томно блѣднѣли и томно грустили
        Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

И, наконецъ, влѣзши въ красные фраки,
Къ Кэтти явились, мечтая о бракѣ, —
        Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

И, передъ Кэтти представши, вначалѣ,
Сдѣлали въ воздухѣ сальтомортале
        Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

— „Вы всѣхъ наѣздницъ прекраснѣй на свѣтѣ“,
Молвили Кэтти два клоуна эти
Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

„Вѣрьте, сударыня, въ цѣлой конюшнѣ
„Всѣхъ лошадей мы вамъ будемъ послушнѣй“
Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!“

И, въ умиленьи, растрогавшись очень,
Дали другъ другу по парѣ пощечинъ
Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

Кэтти смѣялась и долго и шумно:
— „Ola-la! Bravo! Вы такъ остроумны
Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!“

И удалились домой, какъ вначалѣ,
Сдѣлавши въ воздухѣ сальтомортале
Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

И поступили, въ любовномъ экцессѣ,
Съ горя, въ „Бюро похоронныхъ процессій“
Бимъ - Бомъ! Бимъ - Бомъ!

Купальщица и китъ.

Какъ - то разъ, купалась, гдѣ - то,
Въ морѣ барышня одна:
Маріэта! Маріэта!
Называлась такъ она.

Ахъ, не снился и аскету,
И аскету этотъ видъ!
И вотъ эту Маріэту
Увидалъ гренландскій китъ.

И, увлекшись Маріэтой,
Какъ восторженный дуракъ,
Тутъ - же съ барышнею этой
Пожелалъ вступить онъ въ бракъ.

Но пока онъ ту блондинку
Звалъ въ мечтахъ своей женой,
Та блондинка — прыгъ въ кабинку
И ушла къ себѣ домой.

И, разбивъ мечты свои тамъ,
Горемъ тягостнымъ убитъ,
Въ острой формѣ менингитомъ
Заболѣлъ гренландскій китъ.

Три недѣли непрестанно
Китъ не спалъ, не пилъ, не ѣлъ,
Лишь вздыхалъ, пускалъ фонтаны
И худѣлъ, худѣлъ, худѣлъ!...

И, вблизи пустой кабинки,
Потерявши аппетитъ,
Сталъ, въ концѣ концовъ, сардинкой
Si devant-гренландскій китъ!

Зюлейка.

У Зюлейки — ханумъ
Губы, какъ рахатъ-лукумъ,
Щеки, какъ персики изъ Азарбинада,
Глаза, какъ сливы изъ шахскаго сада!
Азербейджанской дороги длиннѣй
Зюлейкины черныя косы,
А подъ рубашкой у ней
Спрятаны два абрикоса!
    И вся она, вва!
    Какъ халва!
    Честное слово!
Только любитъ она не меня,
    А — другого!

Невѣроятная исторія.

Дребезжитъ гитара сонно,
Гдѣ - то булькаетъ мадера. . .
Ночь. Луна. Въ окошкѣ — Донна,
Подъ окошкомъ — кабалеро!

Ну - съ итакъ, въ испанскомъ стилѣ
Начинаю ритурнель я! . .
Мѣсто дѣйствія — въ Севильи,
Время дѣйствія — въ апрѣлѣ!

Скоро будетъ двѣ недѣли,
Какъ женѣ своей на горе,
Донъ - Супругъ на каравеллѣ
Гдѣ - то путается въ морѣ.

Услыхавъ о томъ открыто,
Донъ — Сосѣдъ отъ страсти ярой,
Вмигъ, лишившись аппетита,
Подъ окно пришелъ съ гитарой.

Все, что зналъ, пропѣлъ онъ Доннѣ!
И, уставши, напослѣдокъ,
Онъ запѣлъ въ мажорномъ тонѣ
Приблизительно вотъ эдакъ:

—„Донна! Донна! Въ вашей власти
Сердце вашего сосѣда!
Ахъ, отъ страсти, я на части
Разрываюсь, какъ торпеда!“

— „Нѣтъ! Не ждите поцѣлуя!!“
Отвѣчала Донна тонно,
„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не измѣню я
Своему супругу дону!“

И добавила, вздыхая,
Не безъ нѣкоторой дрожи:
— „Къ вамъ не выйду никогда я!
На другихъ я не похожа!“

* * *

Вы не вѣрите? Я — тоже!...

Королева блѣдна.

Королева блѣдна,
Королева грустна,
Королева отъ гнѣва дрожитъ.

Въ сторонѣ — одинокъ —
Голубой василекъ —
Юный пажъ, пригорюнясь, сидитъ.

Королева — блѣдна,
Королева грустна,

Королевская грудь, — какъ морская волна —
Въ пѣнѣ кружевъ, вздымается, гнѣвомъ бурля:

Королевѣ, сегодня, всю ночь напролетъ
Снился юноша — пажъ, голубой Бернадотъ

И. . . костыль Короля. . .

Довольно!

Я, какъ муха въ сѣтяхъ паутины,
Бьюсь съ жужжаньемъ въ гостинныхъ!... Довольно!...
Ваши женщины, пѣсни и вина,
Понимаете, безалкогольны!

И дошло до того, что, ей-Богу,
На Таити изъ первой кофейни
Я уйду, захвативъ на дорогу
Папиросъ и два томика Гейне!

Тамъ подъ первою пальмой, безъ риска
Получить менингитъ иль простуду,
Буду пить натуральное виски
И маисъ тамъ воздѣлывать буду.

И хотя это (вы извините),
Съ точки зрѣнія вашей, нелѣпо,
Буду ночью лежать на Таити,
Глядя въ синее звѣздное небо!

А когда, кромѣ звѣздной той выси,
И Эротъ мнѣ окажется нуженъ,
Заработавъ кой-что на маисѣ,
Накуплю тамъ невольницъ 5 дюжинъ!

И, доволенъ судьбой чрезвычайно,
Буду жить тамъ, пока съ воплемъ страннымъ,
Пьяный негръ, подвернувшись случайно,
Не зарѣжетъ меня подъ бананомъ!

Розовый альковъ.

Къ Моннѣ Фіаметѣ
Стукнулъ на разсвѣтѣ
Графъ Ренэ Камбонъ.
И, хоть Фіамета
Не была одѣта,
Все-жъ былъ принятъ онъ —

Въ розовомъ альковѣ,
Гдѣ у изголовья,
Подъ гирляндой розъ,
Мраморной Психеѣ
Что-то шепчетъ млѣя
Мраморный Эросъ!

Ахъ, мой другъ, отвѣтьте:
Что прекраснѣй въ свѣтѣ
Неодѣтыхъ дамъ?
Графъ былъ не дуракъ — же,
Думалъ точно такъ-же!
И все стихло тамъ...

Въ розовомъ альковѣ,
Гдѣ у изголовья,
Подъ гирляндой розъ —
Мраморной Психеѣ
Что-то шепчетъ млѣя
Мраморный Эросъ!

Въ позѣ очень стильной
Задремалъ жантильный
Графъ Ренэ Камбонъ...
Тутъ я буду точенъ:
Ровно двухъ пощечинъ
Вдругъ, раздался звонъ —

Въ розовомъ альковѣ,
Гдѣ у изголовья,
Подъ гирляндой розъ —
Мраморной Психеѣ
Что-то шепчетъ млѣя
Мраморный Эросъ!

И, открывши вѣки,
Графъ Ренэ навѣки
Удалился вспять...
Посудите сами:
Чортъ возьми, при дамѣ
Развѣ можно спать?! —

Въ розовомъ альковѣ,
Гдѣ у изголовья
Подъ гирляндой розъ —
Мраморной Психеѣ
Что-то шепчетъ млѣя
Мраморный Эросъ!

Пѣсенка о хорошемъ тонѣ.

Съ тонной Софи на борту пакебота
Плылъ лейтенантъ иностраннаго флота.

Передъ Софи онъ вертѣлся, какъ чортъ,
И-завертѣвшись, свалился за бортъ!

Въ тотъ же моментъ къ лейтенанту шмыгнула,
Зубы оскаливъ, большая акула.

Но лейтенантъ не боялся угрозъ
И надъ акулою кортикъ занесъ!

Глядя на это, въ смятеньи большомъ
Вскрикнула, вдругъ, поблѣднѣвши, Софи:
— „Ахъ, лейтенантъ! Что вы? Рыбу — ножемъ!?
— Фи!“

И, прошептавши смущенно: „Pardon! “
Мигомъ акулой проглоченъ былъ онъ!...

Маріэта и макъ.

Начинается все это
Приблизительно вотъ такъ:
Отпросилась Маріэта
Въ поле рвать душистый макъ.

Какъ ни странно, но, однако,
Въ полѣ этомъ, до - за - до,
Оказалось кромѣ мака,
Три сержанта изъ Бордо!...

По характеру былъ первый
Всѣхъ товарищей скромнѣй,
И, щадя дѣвичьи нервы,
Улыбнулся только ей.

Былъ второй нахалъ сугубый
Удивительный нахалъ!
И Марьэту прямо въ губы,
Въ губы онъ поцѣловалъ!

Ну, а третій — Маріэтѣ
Всѣхъ другихъ милѣе былъ! . . .
— Догадайтесь, какъ же третій,
Какъ же третій поступилъ?

— Ахъ, сударыня, при дамѣ
Разсказать нельзя никакъ!
Коль узнать хотите? — Сами
Въ поле рвать идите макъ.

Негритенокъ подъ пальмой.

О иностранецъ въ шляпѣ, взвѣсь
Мою судьбу! Всю жизнь съ пеленокъ
Сижу подъ этой пальмой здѣсь
Я — бѣдный черный негритенокъ!

Я такъ несчастенъ! Прямо, страхъ!
Ахъ, я страдаю невозможно!
О, иностранецъ въ шляпѣ, ахъ! —
Я никогда... не ѣлъ пирожныхъ!

Въ день рожденія Принцессы.

Въ день рожденія Принцессы
Самъ король Гаконъ Четвертый
Подарилъ ей послѣ мессы
Четверть царства и два торта.

Королева мать Эльвира,
Приподнявъ главу съ подушки,
Подарила ей полміра
И горячія пампушки.

Братъ Антоніо - каноникъ,
Мужъ святой, смиренно - кроткій,
Подарилъ ей новый сонникъ
И гранатовыя четки.

Два пажа, за неимѣньемъ
Денегъ, взялись за эфесы
И проткнулись во мгновенье
Въ честь прекрасныхъ глазъ Принцессы.

Только пажъ Гильомъ - повѣса,
Притаившiйся подъ аркой,
Въ день рожденiя Принцессы
Оказался безъ подарка!

Но ему упреки втунѣ!
Онъ стоитъ и въ усъ не дуя,
Подаривъ ей наканунѣ
Сорокъ тысячъ . . . поцѣлуевъ!

Если-бы.

Если-бы я былъ слономъ изъ Бомбея,
То, избѣгая всѣхъ драмъ,
Силы слоновой своей не жалѣя,
Цѣлую жизнь я на собственной шеѣ
Васъ бы носилъ о, Madame!

Если-бъ я былъ крокодиломъ изъ Нила
То, подплывя къ берегамъ,
И, отряхнувшись отъ грязнаго ила,
Къ вамъ я подползъ-бы... и тихо, и мило
Съѣлъ-бы я васъ о, Madame!

Если-бъ я былъ быстроногою серной,
То по отвѣснымъ камнямъ
(Хоть это было-бы можетъ и скверно!)
Все же отъ васъ съ быстротою чрезмѣрной
Я-бы удралъ, о Madame!

Но, къ сожалѣнію (какъ достовѣрно
Это извѣстно и вамъ),
Въ смыслѣ тѣхъ качествъ я созданъ мизерно:
Не крокодилъ я, не слонъ и не серна!...
Вотъ въ чемъ бѣда, о, Madame!

О Драконѣ, который глоталъ прекрасныхъ дамъ.

Какъ-то разъ, путемъ окрестнымъ
Пролеталъ Драконъ. . . И тамъ,
По причинамъ неизвѣстнымъ,
Сталъ глотать прекрасныхъ дамъ.

Былъ ужасный онъ обжора.
И, глотая, что есть силъ,
Безо всякаго разбора
Въ результатѣ проглотилъ:

Синьориту Фіамету,
Монну - Юлію Падету,
Аббатиссу Агриппину,
Синьорину Фарнарину,
Монну - Лючію ди Рона,
Пять сестеръ изъ Авиньона
И 617 дамъ
Неизвѣстныхъ вовсе намъ!

Но, однажды, графъ Тедеско,
Забѣжавъ Дракону въ тылъ,
Вынулъ мечъ и очень рѣзко
Съ тѣмъ Дракономъ поступилъ!...

Разрубивъ его на части,
Графъ присѣлъ!... И въ тотъ - же мигъ
Изъ драконьей вышли пасти
И къ нему на шею прыгъ:

Синьорита Фіамета,
Монна Юлія Падета,
Аббатисса Агриппина,
Синьорина Фарнарина,
Монна Лючія ди Рона
Пять сестеръ изъ Авиньона
И 617 дамъ
Неизвѣстныхъ вовсе намъ.

Бѣдный тотъ Драконъ, въ несчастьи,
Оказавшись не у дѣлъ,
Подобравъ свои всѣ части,
Плюнулъ внизъ и улетѣлъ!

И, увы, съ тѣхъ поръ до гроба,
Храбрый графъ, пустившись въ путь,
Все искалъ Дракона, что-бы
Съ извиненіемъ вернуть:

Синьориту Фіамету,
Монну Юлію Падету,
Аббатиссу Агриппину,
Синьорину Фарнарину,
Монну Лючію ди-Рона,
Пять сестеръ изъ Авиньона
И 617 дамъ
Неизвѣстныхъ вовсе намъ!

Баллада о конфузливй Дамѣ.

Подобно скатившейся съ неба звѣздѣ,
Прекрасная Дама купалась въ прудѣ...

Замѣтивъ у берега смятый корсажъ,
Явился къ пруду любознательный пажъ.

Увидя пажа отъ себя въ двухъ шагахъ,
Прекрасная Дама воскликнула: „Ахъ!“

Но пажъ ничего не отвѣтствовоалъ ей
И сталъ лицемѣрно кормить лебедей.

Подобнымъ безтактнымъ поступкомъ пажа
Зарѣзана Дама была безъ ножа...

Такъ въ этомъ прудѣ, всѣмъ повѣсамъ въ укоръ,
Прекраснаяа Дама сидитъ до сихъ поръ!

Китайченокъ Ли.

Чуть - чуть не съ пеленокъ
Таская кули,
Жилъ - былъ китайченокъ
По имени Ли.
Къ научной программѣ
Никакъ не влекомъ,
Ходилъ онъ съ кулями
Дуракъ - дуракомъ!

Никакой съ нимъ нѣту силы,
Какъ его ни шевели!
Ахъ и глупъ-же ты, мой милый,
Китайченокъ Ли.

Но, вотъ, какъ ни странно,
Въ вечерній досугъ,
Къ женѣ Богдыхана
Забрался онъ вдругъ!

Въ окно къ Богдыханшѣ
Залѣзть не пустякъ!
Ахъ, ну и болванъ - же!
Ахъ, ну и дуракъ!

Никакой съ нимъ нѣту силы,
Какъ его ни шевели!
Ахъ, и глупъ-же ты, мой милый,
Китайченокъ Ли!

Ему было худо!
И бросился вспять
Онъ бомбой оттуда
Часовъ черезъ 5.
Въ горячности странной,
Вслѣдъ сжавши кулакъ,
Жена Богдыхана
Промолвила такъ:

Никакой съ нимъ нѣту силы,
Какъ его ни шевели!
Ахъ, и глупъ-же ты, мой милый,
Китайченокъ Ли!

Люси.

О, милый другъ, хотя ты
Весь міръ исколеси,
Всѣ дамы грубоваты
Въ сравненіи съ Люси.

Она хрупка какъ блюдце!
И, Боже упаси, —
Хоть къ платью прикоснуться
Застѣнчивой Люси!

Всѣ скажутъ, безъ изъятья,
Кого лишь не спроси,
Что Жанна Д.-Аркъ въ квадратѣ —
Безгрѣшная Люси.

И быть-бы ей въ почетѣ,
Когда-бы въ Санъ-Суси
Не числился въ пѣхотѣ
Сержантомъ сынъ Люси!

Преда́ніе о черномъ камнѣ.

Въ странѣ, гдѣ измѣну караетъ кинжалъ,
Хранится въ народѣ преданье,
Какъ гдѣ - то давно нѣкій Пажъ, вдругъ, засталъ
Принцесу во время купанья!

И вотъ, побоявшись попасть на глаза
Придворной какой - нибудь дамѣ,
Онъ прыгнулъ въ отчаяньи, словно коза,
За черный обвѣтренный камень.

Но сынъ Афродиты не могъ ни почемъ
Снести положенья такого!
И сталъ черный камень прозрачнымъ стекломъ
Подъ взоромъ Пажа молодого!

Для васъ, о влюбленные, былъ мой разсказъ!
И хоть было очень давно то,
Давайте за это еще лишній разъ
Прославимъ малютку Эрота!

Три набоба.

Гдѣ-то давно, другъ отъ друга особо,
Жили — да — были три старыхъ набоба.
Вѣрили твердо они съ давнихъ поръ,
Что, молъ, спина — просто пыльный коверъ.

Но, какъ-то разъ ихъ раскаянье взяло!
И, порѣшили они, для начала,
Такъ управлять, чтобъ отнынѣ впередъ
Въ маслѣ катался ихъ добрый народъ!

Съ этою цѣлью сошлись на совѣтѣ
Первый, второй и задумчивый третій...
И, опираясь десницею въ лобъ,
Молвилъ задумчиво первый набобъ:

— „Всею душой устремляясь къ народу,
Я упраздняю плохую погоду,
Зонтикъ огромный воткну въ небосводъ,
Чтобъ не чихалъ мой любезный народъ!“

Было торжественно слово второго:
— „Я-же для блага народа родного
Распоряжусь, Comprenez vous, chaque jour
Дѣлать пейзанамъ моимъ маникюръ!“

И, въ умиленіи, каждый особо
Слушали третьяго оба набоба:
— „Я-же, для блага отчизны родной,
Просто возьму и-уйду на покой!“

Мадамъ де Шавиньомъ.

Са́мъ Папа мнѣ свидѣтель,
Что на сто верстъ кругомъ
Извѣстна добродѣтель
Мадамъ де - Шавиньомъ!

Ей не страшно злорѣчье!
Бѣлѣй, чѣмъ снѣжный комъ,
И реноме и плечи
Мадамъ де - Шавиньомъ!

И, словно ангелочки,
Вдаль тянутся гуськомъ
12 юныхъ дочекъ
Мадамъ де - Шавиньомъ

И къ этой строгой дамѣ
Явился какъ - то разъ
Съ фривольными мечтами
Прiѣзжiй ловеласъ!

Но былъ отъ пылкой страсти
Онъ сразу исцѣленъ,
Когда въ отвѣтъ на „Здрассте“.
Она сказала: „Вонъ“!

Когда жъ отъ нагоняя
Онъ бросился назадъ,
Добавила, вдыхая:
—„Вонъ. . . Свѣчи вѣдь горятъ!“

И, вмигъ, погасли свѣчи!
И на сто верстъ кругомъ
Во тьмѣ сверкнули плечи
Мадамъ де - Шавиньомъ!

Братъ Антоніо.

Въ монастырской тихой кельѣ,
Позабывши о весельи
(Но за это во сто кратъ
Возвеличенъ Іисусомъ),
Надъ священнымъ папирусомъ
Наклонясь, сидѣлъ аббатъ:

Братъ Антоніо — каноникъ,
Мужъ ученый и законникъ,
Спасшій силой Божьихъ словъ
Отъ погибельныхъ привычекъ
    49 еретичекъ
    И 106 еретиковъ!

Но, черны, какъ въ печкѣ вьюшки,
Подмигнувъ хитро другъ дружкѣ
И хихикнувъ злобно вслухъ,
Два лукавыхъ дьяволенка
Съимитировали тонко
Пару самыхъ лучшихъ мухъ!

И, подъ носомъ у аббата,
Между строчками трактата,
Сѣли для грѣховныхъ дѣлъ. . .
И на этомъ папирусѣ
Повели себя во вкусѣ
Ста Боккачьевыхъ новеллъ!

И, охваченный мечтами,
Вспомнилъ, вдругъ, о нѣкой дамѣ
Размечтавшійся аббатъ! . . .
И, безъ всякихъ аппеляцій,
Въ силу тѣхъ ассоціацій,
Былъ низвергнутъ прямо въ адъ:

Братъ Антоніо — каноникъ,
Мужъ ученый и законникъ,
Спасшій силой Божьихъ словъ
Отъ погибельныхъ привычекъ
    49 еретичекъ
    И 106 еретиковъ.

Мѣсяцъ — гуляка ночной.

Мѣсяцъ — гуляка ночной
Вышелъ гулять въ поднебесьи. . .
Тихой ночною порой
Съ шустрою звѣздной толпой
Любо ему куралесить. . .
Мѣсяцъ — гуляка ночной —
Вышелъ гулять въ поднебесьи. . .

Съ пачками свѣчекъ, сквозь тьму,
Выбѣжавъ, вмигъ для провѣрки,
Сдѣлали книксенъ ему
Звѣздныя пансіонерки. . .
Мѣсяцъ-же, лѣнью томимъ,
Вмѣсто обычной работы,
Сталъ, вдругъ, разсказывать имъ —
Анекдоты! . .

Если темной лѣтней ночью
Вы увидите воочью,
Какъ съ полночной выси дальней,
Впавши въ обморокъ повальный,
Тихо падаютъ безъ счета
Звѣздочки различныя —
Это, значитъ, — анекдоты
Были неприличные! . .

Такъ поется въ старой пѣснѣ.

Въ старомъ замкѣ за горою
Одинокій жилъ Кудесникъ.
Былъ „на ты“ онъ съ Сатаною.
— Такъ поется въ старой пѣснѣ.

Былъ особой онъ закваски:
Не любилъ онъ вкуса пудры
И не вѣрилъ женской ласкѣ,
Потому что былъ онъ мудрый!

Но безъ женской ласки, право,
Жизнь немного — хромонога!
Деньги, почести и слава
Безъ любви? . . . Да, ну ихъ къ Богу!

И сидѣлъ онъ вечеръ каждый,
О взаимности тоскуя.
И задумалъ онъ, однажды,
Сдѣлать женщину такую,

Чтобъ она была душевно,
На подобіе кристала,
Не бранились ежедневно
И не лгала! И не лгала!

И, склонясь къ своимъ ретортамъ,
Сдѣлалъ женщину Кудесникъ,
Ибо онъ „на ты“ былъ съ чертомъ!
— Такъ поется въ старой пѣснѣ!

И чиста и непорочна,
Изъ реторты, въ результатѣ,
Вышла женщина! . . . Ну точно
Лотосъ Ганга въ женскомъ платьѣ.

И была она покорна,
Какъ прирученая лайка,
Какъ особенный, отборный
Черный негръ изъ Танганайка!

И какъ будто по заказу,
Всѣ желанья исполняла! . . .
И не вскрикнула ни разу,
И ни разу не солгала. . .

Ровно черезъ двѣ недѣли
Вышелъ изъдому кудесникъ
И. . . повѣсился на ели!
— Такъ поется въ старой пѣснѣ!

Пажъ Леамъ.

У короля былъ пажъ Леамъ —
Пронырa — хоть куда!
146 прекрасныхъ дамъ
Ему сказали: „Да!“

И въ Сыропустъ, и въ Мясопустъ
Его манили въ тонъ:
146 прекрасныхъ устъ
Въ 146 сторонъ!

Не могъ ни спать, ни пить, ни ѣсть
Онъ въ силу тѣхъ причинъ,
Вѣдь было дамъ 146,
А онъ-то былъ — одинъ!

Такъ, отъ зари и до зари,
Свершалъ онъ свой вояжъ!
Не даромъ онъ, чертъ побери,
Средневѣковый пажъ!

Но, какъ-то разъ, въ ночную тьму,
Темнѣе всѣхъ ночей,
Явились, экстренно, къ нему
146 мужей!

И, распахнувъ плащи, всѣ въ разъ
Сказали: „Вотъ тебѣ,
О, пажъ Леамъ, прими отъ насъ
146 бэбэ!“

—„Позвольте“, молвилъ блѣдный пажъ,
Попятившись назадъ. . .
—„Я очень тронутъ! . . . Но куда-жъ
Мнѣ этотъ „Дѣтскій садъ?“

„Вотъ грудь моя! Рубите въ фаршъ!“
Но, шаркнувъ у дверей,
Ушли, насвистывая маршъ,
146 мужей!

Экзотическіе тріолеты.

Жилъ - былъ зеленый крокодилъ
Аршина, эдакъ, на четыре. . .
Онъ былъ въ расцвѣтѣ юныхъ силъ!
И по характеру онъ былъ,
Пожалуй самымъ милымъ въ мірѣ —
Зеленый этотъ крокодилъ
Аршина, эдакъ, на четыре!

Вблизи же, какъ бутонъ, цвѣла
Слониха такъ пудовъ на двѣсти! . . . .
И граціозна, и мила,
Она — дѣвицею была . . .
И, безо всякой лишней лести,
Какъ роза майская цвѣла,
Слониха та пудовъ на двѣсти!

Слониха та и крокодилъ
Дошли въ любви вплоть до чахотки!
Слонихинъ папа строгій былъ
И брака ихъ не разрѣшилъ!
Слова финальныя коротки:
Слониха та и крокодилъ
Скончались оба отъ чахотки!

Госпожа Чіо-Санъ изъ Кіотто.

О, Ниппонъ! О Ниппонъ!
О, фарфоровый звонъ
Изъ за дымки морского тумана!

О, Ниппонъ! О, Ниппонъ!
Шелкомъ тканый Ниппонъ!
Золотистый цвѣтокъ океана!

Ахъ, весной весь Ниппонъ
Поголовно влюбленъ,
И весной, сердцемъ къ сердцу приникши,

Разбредясь по угламъ,
Всѣ цѣлуются тамъ
Отъ Микадо - до голаго рикши!

Даже бонза сѣдой
За молитвой святой
Всѣмъ богамъ улыбается что - то...

Лишь одна, лишь одна,
Какъ фонтанъ холодна,
Госпожа Чіо - Санъ изъ Кіотто!

И шептали, лукаво смѣясь, облака:
— „Чіо - Санъ! Чіо - Санъ! Полюби хоть слегка!"
И шептали, качаясь на стебляхъ цвѣты:
—„Чіо - Санъ! Чіо - Санъ! Съ кѣмъ цѣлуешься ты?"

И шепталъ ей смѣющійся вѣтеръ морской:
—„Чіо - Санъ! Чіо - Санъ! Гдѣ возлюбленный твой?"
И шептало ей юное сердце:
Ахъ, какъ хочется мнѣ завертѣться!"

И откликнулась Чіо на зовъ майскихъ дней.
И, однажды, на пристани, вдругъ, передъ ней —
Облака, и цвѣты, и дома, и луна
Закружились въ безудержномъ танцѣ! ...

Полюбила она, полюбила она —
Одного моряка иностранца!

7*

Онъ разсѣянымъ взоромъ по Чіо скользнулъ,
Подошелъ, наклонился къ ней низко,
Мимоходомъ обнялъ, улыбнулся, кивнулъ,
И — уѣхалъ домой въ Санъ - Франциско.

И осталась одна
Чіо - Санъ у окна!
А морякъ гдѣ то рыщетъ по свѣту! . . .
И весна за весной
Проходили чредой,
А любимаго нѣту и нѣту!

И шептались, лукаво смѣясь облака:
„Чіо - Санъ! Чіо - Санъ! Не вернешь моряка!"
И шептали, качаясь на стебляхъ цвѣты:
—„Чіо - Санъ Чіо-Санъ, съ кѣмъ цѣлуешься ты?"

И шепталъ ей смѣющійся вѣтеръ морской:
—„Чіо - Санъ! Чіо - Санъ! Обманулъ милый твой?"
И шептало ей юное сердце:
—„Ахъ, какъ хочется мнѣ завертѣться!"

Но сказала, въ отвѣтъ,
Чіо - Санъ: „Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!
Не нарушу я даннаго слова!“

И, ночною порой,
Съ неотертой слезой
Чіо - Санъ. . . полюбила другого!

Плечи Мадленъ.

Взвивайтесь Былого ракеты
Про балъ въ „Казино — Табаренъ“,
Про легкую пѣну Моэта,
Про звѣздныя плечи Мадленъ!

Когда въ перевернутомъ залѣ,
Среди мимолетныхъ измѣнъ,
Безстрастныя люстры сверкали,
Какъ звѣздныя плечи Мадленъ!...

И, вотъ, прошуршало все это
И скрылось... Какъ бархатный трэнъ,
Какъ легкая пѣна Моэта,
Какъ звѣздныя плечи Мадленъ!

Миссъ Эвелинъ.

Есть старая, старая пѣсня,
Довольно печальный разсказъ,
Какъ — всѣхъ англичанокъ прелестнѣй —
Гуляла въ саду какъ-то разъ:

Миссъ Эвелинъ съ папой и мамой,
Съ прислугой, обвѣшенной четками,
Съ невѣдомой старою дамой,
Съ щенкомъ и двѣнадцатью тетками!

Но, кромѣ прелестной той миссисъ,
Лордъ Честеръ въ саду этомъ былъ...
Любовный почувствовавъ кризисъ,
Лордъ Честеръ навѣкъ полюбилъ: —

Миссъ Эвелинъ съ папой и мамой,
Съ прислугой, обвѣшенной четками,
Съ невѣдомой старою дамой,
Съ щенкомъ и двѣнадцатью тетками!

Ставъ сразу румянымъ отъ счастья
И, вскрикнувъ на цѣлый кварталъ,
Въ порывѣ бушующей страсти
Онъ къ серду навѣки прижалъ:

Миссъ Эвелинъ съ папой и мамой,
Съ прислугой, обвѣшенной четками,
Съ невѣдомой старою дамой,
Съ щенкомъ и двѣнадцатью тетками!

Хоть въ страсти пылалъ онъ, какъ Этна,
Но все-же, однажды, въ тоскѣ
(Хоть это весьма некорректно)
Повѣсилъ на толстомъ сукѣ:

Миссъ Эвелинъ съ папой и мамой,
Съ прислугой, обвѣшенной четками,
Съ невѣдомой старою дамой,
Съ щенкомъ и двѣнадцатью тетками.

Бѣлый вальсъ.

О звени, старый вальсъ, о звени — же звени
Про галантно — жеманныя сцены,
Про былые, давно отзвенѣвшіе дни,
Про былую любовь и измѣны!

Съ потемнѣвшихъ курантовъ упалъ тихій звонъ,
Ночь, колдуя, разсыпала чары...
И скользитъ въ бѣломъ вальсѣ у бѣлыхъ колоннъ
Одинокая бѣлая пара...

— О, вальсъ, звени —
Про былые дни!

И безшумно они по паркету скользятъ...
Но, вглядитесь въ лицо кавалера:
Какъ-то странны его и лицо и нарядъ,
И лицо и нарядъ и манеры!...

Но вглядитесь въ нее: очень странна она...
Неподвижно упали рѣсницы,
Взоръ застылъ... И она — слишкомъ, слишкомъ
блѣдна,
Словно вышла на вальсъ изъ гробницы!...

O, вальсъ, звени
Про былые дни!

И бѣлѣютъ они въ странномъ вальсѣ своемъ
Межъ колоннъ въ бѣломъ призрачномъ залѣ...
И, услышавши крикъ пѣтуха за окномъ,
Вдругъ, разстаяли въ тихой печали...

О, звени старый вальсъ, сквозь назойливый гамъ
Нашихъ дней обезличенно — сѣрыхъ:
О надменныхъ плечахъ бѣлыхъ пудренныхъ дамъ,
О затянутыхъ въ шелкъ кавалерахъ!...

— О, вальсъ, звени —
Про былые дни!

Николетта.

Какъ-то разъ, порой вечерней,
Въ покосившейся тавернѣ
У красотки — Николетты,
(Чьи глаза, какъ два стилета)
Насъ собралось ровно 7.
(Пить хотѣлось очень всѣмъ!)

За бутылкою Кіянти
Толковали мы о Кантѣ,
Объ его „императивѣ“,
О Бразиліи, о Хивѣ,
О сидящихъ vis-a-vis,
И, конечно, о любви!

Долго это продолжалось...
Въ результатѣ — жъ оказалось,
Что красотка Николетта,
(Чьи глаза, какъ два стилета!)
Въ развращенности своей,
Дѣлитъ страсть на 7 частей!!!

— „Нѣтъ!“ воскликнули мы хоромъ:
— „Не помиримся съ позоромъ!
„Такъ мы этого не бросимъ:
„Подзовемъ ее и спросимъ!
„Пусть сгораетъ со стыда!“
(Разсердились мы тогда!)

— „Почему о, Николетта,
(Чьи глаза, какъ два стилета)
„Вы связали Ваше имя
Сразу съ нами семерыми!“ . . .
Но отвѣтъ былъ дня яснѣй:
— „Ахъ, въ недѣлѣ вѣдь 7 дней“ . . .

Больше мы ее не спросимъ:
— Слава Богу, что не 8.

Пять минутъ.

Бьетъ полдень! И, чеканнымъ шагомъ,
Нарядъ дворцовыхъ егерей,
Склонившись къ золоченымъ шпагамъ,
У королевскихъ всталъ дверей.

Въ заботахъ вѣчныхъ о народѣ,
Любовью къ подданнымъ согрѣтъ,
Его Величество проходитъ
На пять минутъ въ свой кабинетъ.

— „Parbleu!“ Какъ вы неосторожны!
Эй, тише тамъ! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Развѣ можно
Его Величеству мѣшать?!“

Настала ночь! Потухли свѣчи!
Одѣлся тьмой дворцовый садъ!
Лишь подъ боскетомъ чьи-то плечи
Зигзагомъ молніи блестятъ!

Забывъ на время о народѣ,
И чуть нарушивъ этикетъ,
Его Величество снисходитъ
На пять минутъ къ мадамъ Жоржетъ.

— „Parbleu!“ Какъ вы неосторожны!
Эй, тише тамъ! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Развѣ можно
Его Величеству мѣшать?!“

Блеснуло утро! И, какъ птица,
Сквозь гордый строй рапиръ и шпагъ,
Надъ поблѣднѣвшею столицей
Взметнулся гнѣвно красный флагъ!

И, снова, вспомнилъ о народѣ,
Увидѣвъ въ первый разъ народъ,
Его Величество восходитъ
На пять минутъ на эшафотъ! . . .

— „Parbleu!“ Какъ вы не осторожны!
Эй, тише тамъ! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Развѣ можно
Его Величеству мѣшать?!“

Ніамъ-Ніамъ.

Съ рожденья (кстати-ль иль не кстати-ль)
Всю жизнь свою отдавъ мечтамъ,
Жилъ былъ коричневый мечтатель
Изъ племени „Ніамъ-Ніамъ“.

Простого сердца обладатель,
О мылѣ тихо по ночамъ
Мечталъ коричневый мечтатель
Изъ племени „Ніамъ-Ніамъ“.

И внялъ его мольбѣ Создатель:
Приплыло мыло къ берегамъ!
И... скушалъ мыло тотъ мечтатель
Изъ племени „Ніамъ-Ніамъ“...

Вотъ и все!

Въ саду у дяди Кардинала,
Плѣняя граціей манеръ,
Маркиза юная играла
Въ серсо съ виконтомъ Сенъ-Альмеръ.

Когда жъ, на солнце негодуя,
Темнѣть сталъ звѣздный горизонтъ,
Тогда съ ней тамъ въ игру другую
Сыгралъ блистательный виконтъ!...

И были сладки ихъ объятья,
Пока маркизу не засталъ
За этимъ сладостнымъ занятьемъ
Почтенный дядя — Кардиналъ!

Въ ея глазахъ потухли блестки
И, поглядѣвши на серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: „Вотъ и все!“

Прошли года! И вотъ, безъ счета,
Подъ градъ свинца, за рядомъ рядъ,
Ликуя вышли санкюлоты
На историческій парадъ! . . .

— „Гвардейцы, что жъ вы не идете?“
И въ этотъ день, слегка блѣдна,
Въ послѣдній разъ на эшафотѣ
Съ виконтомъ встрѣтилась она!

И передъ пастью гильотины,
Доставъ мѣшокъ для головы,
Палачъ съ галантностью старинной
Спросилъ ее: „Готовы ль вы?“ . . .

Въ ея глазахъ сверкнули блестки
И, какъ тогда, въ игрѣ въ серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: „Вотъ и все!“

Почему обезьяны не могутъ любить прекрасныхъ дамъ.

Сбившись въ слабостяхъ со счета,
Догаресса Монна Бланка
Въ ожиданіи Эрота,
Забавлялась съ обезьянкой!

И, взглянувъ на вещи прямо,
Въ элегическомъ мечтаньи —
Говорила эта дама
Удивленной обезьянѣ:

—„Почему мы къ вамъ такъ строги?
Вѣдь у васъ, безъ всякой лести,
Тѣ же руки, тѣ же ноги,
И все прочее на мѣстѣ!

Все что требуетъ отъ мужа
Эротическій регламентъ —
Все у васъ есть! Плюсъ къ тому-же
Африканскій темпераментъ!“

— „Ахъ, мадамъ, не въ томъ вопросъ то“,
Шимпанзе сказалъ вдыхая, —
„Это все ужасно просто
И причина здѣсь иная!

Чтобъ доставить дамѣ счастье
Съ вашимъ мужемъ, старымъ Дожемъ
Потягаться въ дѣлѣ страсти,
Чортъ возьми, конечно, можемъ!

Я-бы могъ быть арлекиномъ!
(Шимпанзе вѣдь не священникъ!)
Но что дѣлать? Для любви намъ
Не хватаетъ только. . . денегъ!“

8

Чортова колыбельная.

Въ облачно — солнечной лужицѣ,
Взоры боговъ веселя,
Щепкой безпомощной кружится
Маленькій шарикъ — Земля!

Крошечна жалкая доля твоя,
Съ маленькимъ счастьемъ и маленькой мукою!
Маленькій шарикъ Земля,
Дай, я тебя убаюкаю!

Между тусклыхъ звѣздныхъ точекъ,
Завертѣвъ судьбу свою,
Эй, вертись, вертись, комочекъ!
Баю-баюшки-баю!

На одной тѣснясь подушкѣ,
Всѣ міры поймавши въ сѣть,
Жмутъ тебя двѣ потаскушки,
Двѣ сестрицы: Жизнь и Смерть!

Такъ хватай-же, что есть мочи,
Все кругомъ въ мошну свою!
Совѣсть? Честь? — Спокойной ночи!
Баю-баюшки-баю!

Каждый быть собою воленъ!
Каждый правъ въ своихъ дѣлахъ:
Царь и рабъ! Мудрецъ и воинъ!
Потаскушка и монахъ!

Счастье — грязная цыганка!
Сердце — глупый свинопасъ!
Совѣсть — нудная шарманка!
Солнце — стертый мѣдный тазъ!

Жизнь и Смерть играютъ въ тенисъ,
Звѣзднымъ міромъ на краю!
Такъ, вертись, не ерепѣнясь!
Баю-баюшки-баю!

Пастушокъ и пастушка.

Изящна, какъ игрушечка,
Прелестная пастушечка
Плела себѣ вѣнокъ!

И съ нею рядомъ туточки
Наигрывалъ на дудочкѣ
Прелестный пастушокъ.

И пѣли въ тэтъ-а-тэтикѣ
Любовные дуэтики...

— Что съ ними дальше станется —
Вамъ скажетъ окончаньице!

Но нѣкая маркизочка
По имени Алисочка
Вдругъ, вышла на лужокъ!

И, вотъ, безъ промедленьица,
Ея воображеньице
Плѣнилъ сей пастушокъ!

— „Вотъ мнѣ бъ для адьюльтерчика
Такого кавалерчика!"

— Что съ ними дальше станется —
Вамъ скажетъ окончаньице!

Тогда, на эпиложичекъ,
Взяла пастушка ножичекъ
И стала имъ махать!...

При видѣ этихъ сценочекъ,
Всталъ пастушокъ съ колѣночекъ
И удалился вспять!...

Что станется съ пастушечкой,
Страстей его игрушечкой?

— „Ни чорта съ ней не станется!"
Вотъ вамъ и окончаньице!

Шутъ и палачъ.

Палачъ въ яркокрасной мантильи,
Гуляя средь свѣжихъ могилъ,
Къ еще незарытой могилѣ
Съ усмѣшкой Шута поманилъ:
— „Эй, Шутъ, такъ и быть, ради встрѣчи,
Взгляни, какъ работалъ тутъ я:
— Вотъ гробъ! На гробу — крестъ и свѣчи,
Въ гробу — Королева твоя!
— Взгляни, работа какова?!“ ...
— Ты правъ, Палачъ! Она — мертва!

Палачъ въ ярко-красной мантильи,
Гуляя средь свѣжихъ могилъ,
Къ еще не зарытой могилѣ
Съ усмѣшкой Шута поманилъ:
— „Эй, Шутъ, такъ и быть, ради встрѣчи,
Взгляни, какъ работалъ тутъ я:
— Вотъ, гробъ! На гробу — крестъ и свѣчи,
Въ гробу томъ — Отчизна твоя!“
— Взгляни, работа какова?!! ...
— Ты лжешь, палачъ! Она — жива!

Жирафъ и Гиппопотамша.

Однажды, въ Африкѣ
Купался жирафъ въ рѣкѣ!

Тамъ же
Купалась гипопотамша!
Ясно,
Что она была прекрасна!

Не смотрите на меня такъ странно,
Хотя гипопотамши красотою не славятся,
Но она — героиня романа
И должна быть красавицей!

При видѣ прекрасной гипопотамши
Жесткое жирафино сердце
Стало мягче самой лучшей замши
И запѣло любовное скерцо!

Но она —
Гипопотамова жена
Отвѣтила ясно и прямо,
Что она — „замужняя дама
И, ради всякаго сиваго мерина,
Мужу измѣнять не намѣрена!

— А если, молъ, ему хочется жениться,
То, по возможности скорѣй
Пусть заведетъ жирафиху — дѣвицу
И цѣлуется съ ней!

И будетъ его жребій радостенъ и свѣтелъ!..
А тамъ, глядишь, и маленькіе жирафчики появились!..“

Жирафъ ничего не отвѣтилъ...
Плюнулъ — и вылѣзъ!

Смерть поэта.

Знайте: какъ-то, когда-то и гдѣ-то
Одинокій поэтъ жилъ да былъ...
И всю жизнь свою, какъ всѣ поэты, —
Онъ писалъ, пилъ вино и любилъ.

Обогнавши Богатство и Славу,
Смерть пришла и сказала ему:
— „Ты — поэтъ и безсмертенъ!.. И, право,
Какъ мнѣ быть — я никакъ не пойму?!.“

Улыбаясь, развелъ онъ руками
И съ поклономъ промолвилъ въ отвѣтъ:
— „Въ жизни я не отказывалъ дамѣ!
— „Вашу руку!“...
И умеръ поэтъ...

Оглавленіе.

(по алфавиту).

Agniwzeff, Meine Lieder